

Годрик открыл рот, но тут же захлопнул его, словно щелкнула ловушка. В голове мелькнули смертельно-зеленые глаза Салазара, его собственные глаза, отражающие бездну. В ушах зазвучал голос Салазара, холодный и ясный, как горный ручей: "У чистокровного душа твердая, словно скала. Даже если они сочетаются браком с другим чистокровным, их дитя все равно будет чистокровным. Душа останется несокрушимой. Если этот ребенок женится на чистокровном смешанного происхождения, их отпрыск тоже будет чистокровным - чистокровным с четырьмя долями другой чистокровности. Но если ни один из дедов и бабушек не чистокровный, у ребенка будет четыре доли разных душ". Мягкая душа простолюдина не может вписаться в эту конструкцию, словно камень в песок. Она не может соединиться с полным кругом, а четыре части души образуют этот круг. Эти дети - начало линии Старых. Добавить обычную часть души - все равно что разрушить эту крепость. Она стабильна, потому что все эти части тверды и легко соединяются. Мягкая часть души не сможет действовать так же, как твердые, и в итоге душа не сможет устоять. Древний не может иметь часть мирской души. Они бы не родились живыми, если бы такая душа была в них. По сути, они рождены Фирболгом". Когда Годрик спросил, как к этому прибавляются условия Старых линий, Сэл лишь пожал плечами: "Они способны проявить душу Старого. Твоя сестра - урожденная Фирболг, потому что твоя мать, очевидно, была Фирболгом, а не колдуньей. Но если бы твоя мать была колдуньей, твоя сестра никогда бы не стала рожденной Фирболгом. Она бы потеряла эту часть своего наследия, потому что именно ты унаследовал триккер. Наследование способностей Древнего - дело непростое, и есть немного линий, которые производят Древних с самого начала. Линий, подобных твоей. Такие линии, как у Певерелла, будут, если у Хельги и у него когда-нибудь будут свои дети". Анастасий был прав. Какими бы аргументами ни пытался оперировать Годрик, между ним и чистокровным не было никакой разницы. Он был чистокровным. Как Ровена была чистокровной, как Певерелл, как младшая сестра Годрика - Хельга. Проницательные глаза вампира заполнили все его видение. — Я... я могу бороться со злом. Я могу бороться с теми, кто хочет уничтожить наш мир, — наконец произнес Годрик, его глаза умоляли вампира простить его, понять его. — Но я не могу бороться с предрассудками. Я не могу сидеть здесь и мириться с тем, что они принижают меня - только потому, что я родился таким же, как этот... этот массовый убийца! Я силен - но я не настолько силен, чтобы встать перед Собранием Лордов и сказать им, что они идиоты, потому что я такой же, как этот массовый убийца, которого они боятся! Потому что моя сестра такая же! Моя жена! Я не могу противостоять им, потому что если бы я это сделал, они бы пришли за моей семьей! Я знаю, какой страх движет ими! Я сам чувствовал этот страх, когда гоблины убили моего отца! Я не могу и не позволю им покуситься на мою семью! Если для этого придется забыть, кто я такой - пусть будет так. Если это значит разозлить тех, кто рядом, то так тому и быть! Пока они в безопасности, мне все равно! И это была правда - правда, которую Годрик хранил в своем сердце, правда, которую он никогда не рассматривал, никогда активно не познавал, но, тем не менее, следовал ей. В душе он был львом - но даже для льва приоритетом является его гордость. И Годрик был готов на все ради своей гордости - даже позволить им ненавидеть его, лишь бы они были в безопасности. И Годрик был бы не против их ненависти, если бы не Салазар. Если бы Салазар не столкнулся с ним и не заставил его взглянуть на собственное поведение. Возможно, все началось с желания уберечь свою семью, но по дороге он забыл о своей цели и вместо этого стал тем, чего пытался избежать. Салазар никогда не простит ему этого. — И все же ты здесь, ищешь моего отца, готов сказать ему, что сожалеешь, готов отдать все, лишь бы вернуть его, — сказал Анастасий в тот момент. Годрик фыркнул, но на этот раз ненависть к себе окрасила его голос. — Он был одним из тех, кого я пытался защитить. Что толку от щита, если перед ним стоят те, кого он защищает? — спросил он. Ответом ему была небольшая улыбка. — Мой отец... Патер всегда был тем, кто защищал. Он не любит, когда его защищают - особенно если другие подвергаются опасности из-за щита, созданного для его защиты, — мягко сказал Анастасий. — Нельзя защитить того, кто уже давно утратил всякую слепоту к жестокости мира. — Салазар все еще верит в тех, кто его окружает, — ответил

Годрик. — Он всегда видит в них лучшее. — И все же он смог посмотреть на тебя и поверить, что ты потерял свой путь. Патер может дать каждому справедливый шанс - но он знает, что люди могут быть непостоянны. Ему было больно, что вы отвернулись от него, но он не был удивлен, что вы так поступили. Он знает, что такое может случиться. Патер слишком часто видел горькую правду, чтобы быть слепым к ней. Годрик уставился на ребенка Салазара. Перед его внутренним взором пронеслось все, что он когда-либо делал с Салазаром. Тот всегда вел себя вежливо и приветливо. Но в то же время в прошлом были моменты, которые говорили о другом. Годрик просто никогда не смотрел. Он не понимал реакции Салазара, когда ему дали фамилию Слизерин. Теперь, оглядываясь назад, он мог видеть, что Салазар знал, что они откажутся от него в будущем. Казалось, в тот момент, когда они называли его Слизерин, он знал, что в будущем они выступят против него. А Годрик был слишком слеп, чтобы увидеть это знание, эту боль, в то время. И Годрик проклинал себя за свою слепоту. — Простит ли он нас когда-нибудь? — спрашивал он почти беззвучно. — Простит ли он меня? Ответом было пожатие плечами. — Он простит тебя, кузен, — сказал Анастасий. — Патер не держит зла. Но даже если он простит тебя - будет ли он когда-нибудь снова доверять тебе, это уже другое дело. На мгновение Годрик ничего не сказал, потом кивнул. — Это не имеет значения, — заявил он. — Пока я могу попросить прощения, я смогу принять любое наказание, которое он мне назначит. Ответом на этот раз была горькая улыбка. — Я не могу помочь тебе, кузен, — сказал Анастасий. — Я знаю, где он - но даже я не могу связаться с ним там. — Почему? Где он? На этот раз вампир поморщился. — Он был схвачен колдунами два месяца назад, — сказал Анастасий, и на его лице появилось чувство вины. — Это была моя вина. Я был неосторожен, и Патеру пришлось помочь мне сбежать от них. Он тоже не был достаточно силен, чтобы убежать от них. Старое чувство ярости, словно тлеющий уголек, вспыхнуло в груди Годрика. — Куда? — вырвалось у него, но Анастасий только покачал головой. — Патер убьет меня, если я снова сделаю что-нибудь безрассудное, — прошептал он, — а взять тебя с собой на спасательную операцию, боюсь, считается безрассудством. Годрик фыркнул. — Я хорошо обученный колдун. Я знаю, что могу, а что нет! Вампир снова покачал головой. — Патер запретил мне идти на спасательную операцию с одними гриффиндорцами. Он сказал... — Анастасий запнулся, — ...что-то вроде: "Если ты когда-нибудь осмелишься пойти в опасное место только с Годриком, я использую тебя и Годрика в моем следующем эксперименте с зельями в качестве подопытных!". Годрик поморщился. — Может, нам стоит вернуться в палаты Хога и попросить Певерелла и Ровену пойти с нами... или Хельгу... лучше Хельгу. Моя жена содрала бы с меня кожу живьем, если бы я предложил что-то подобное. Может, это потому, что она ждет? — предположил он наконец, — В любом случае, это спасет нас от превращения в подопытных. И как бы Годрик ни хотел освободить своего друга, он определенно не осмелился бы пойти против такого приказа. Он слишком хорошо знал, что Салазар не просто угрожает. Он обязательно выполнит свою угрозу, если кто-то посмеет ослушаться его. Анастасий мгновение колебался, затем кивнул. — Хорошая идея, кузен, — сказал он, — Очень хорошая идея.